

«Вы хотите, чтобы я переменял свои убеждения, потому что Блок наделил меня комплиментами, хотя в них, если разобраться, есть целая куча всяческих «но» — нет, нет и нет, — ваш Блок — дутый пузырь».

Иван Алексеевич читает Александра Александровича

Анжелика ДЯКИНА

Бунин/и Блок лично были мало знакомы. Их первая встреча тет-а-тет состоялась зимой 1907 года. Бунин как редактор будущих сборников «Земля» побывал у Блока и приобрел у него стихи. Блок произвел на него впечатление воспитанного и вежливого молодого человека. Несмотря на молодость, Блок стал популярен, моден, вошел в славу. Не видеть подобного яркого явления в литературе И. Бунин не мог. Факт покупки стихов сам по себе уже интересен и достоин внимания. Но...

О недостатках современной поэзии, в том числе символистов и Блока, Бунин публично заговорил уже в 1909 году с момента утверждения в звании Почетного Академика.

1910-е годы Бунин назвал временем «душевной и умственной тупости литературного бесплодия». В подобной ситуации было много разговоров об «урожае гениев»: «гений Брюсов, гений Горький, гений Игорь Северянин, Блок, Белый...» В сознании Бунина звание гения всегда ассоциировалось с именем Пушкина, но ни в коей мере не могло соотноситься с кем-либо из представителей «новой литературы».

Не принял Бунин и «революционную» поэму Блока, и всего его так называемого «послеоктябрьского творчества». На собрании, организованном московскими писателями, последние «вещицы» Блока — «Двенадцать» и «Скифы» — Бунин определил как «самый низкий уровень падения, до которого еще не доходила русская литература». Появление «Двенадцати» для него тем более странно, что автор поэмы «когда-то писал стихи о Мадонне, о Прекрасной Даме». Возможность подобной эволюции не укладывалась в его сознании. Не только содержание, но и «пошлый», «вульгарный» язык произведения возмущал Бунина: «Почему святая Русь оказалась в поэме «избытой», даже и «толстогадой»? «Что за Иисус Христос в белом венчике из роз? Он, вероятно, хотел сказать «в веночке». Венчик — это не веночек, а совсем другое. Тут даже нет элементарного чутья русского языка. Типичный модернизм». Особо резко раздражало Бунина «словечко» «электрический»: «...никакой Петруха такого словечка и произнести не смог бы». Стиль произведения Бунина определил как «сусальный», «заборный», «с несметным количеством восклицательных знаков, от которых тошнит». По жанру это не поэма, а «набор частушек».

Столь же резко он осудил «Скифов», назвав стихотворение «литературщиной», «грубой подделкой под Пушкина» (имеется в виду пушкинское «Клеветникам России». — А. Д.), а язык — пошлым и фальшивым.

Впечатления эти Бунин сохранил на всю жизнь, преломляя через них свои дальнейшие размышления о судьбе и творчестве Блока.

6 февраля 1918 года Бунин делает запись в дневнике: «Блок открыто присоединился к большевикам». С этого момента Блок стал для Бунина олицетворением вершителей революции — большевиков, а «Двенадцать» — символом Октября. Безусловное неприятие большевизма, несомненно, одна из главных причин аналогичной оценки и А. Блока.

В 1919 году Бунин столкнулся с бандой атамана Григорьева, который представлял революционные силы и начинал устанавливать «порядок» посредством грабежей, арестов и обысков. Соотнося все увиденное с Блоком, Бунин писал: «...он слышит революцию как ветер. О, словоблуд! Реки крови, море слез, а им нипочем». Слив воедино представление о Блоке и «новом строе», Бунин не предполагал, что их отношения складывались отнюдь не безоблачно: 15 февраля 1919 года Блок был арестован петроградской ЧК (правда, вскоре освобожден).

В бунинском окружении зарубежного периода не однажды возникали разговоры о Блоке. Собравшиеся, как правило, были лично знакомы с поэтом, пытались как-то объяснить его поведение в последние годы жизни. Мережковские, например, оправдывали блоковские поступки молодостью, «детскими блужданиями». Бунин никак не мог понять: почему «разрешается блудить», но только «влево», «ведь Чехову 20 лет не могли простить, что он печатался в «Новом времени».

После смерти Блока Бунин много раз перечитывал его произведения. В дневнике он сделал резкую, язвительную запись: «...какой утомительный, нудный, однообразный вздор, пошлый своей высокопарностью и какой-то кощунственностью. Да, таинственность, все намеки темные на то, что не ведает никто, — таинственность жулика или сумасшедшего. Пробивается же через все это мычание нечто в конце концов незамысловатое».

В 1926 году газета «Дни» печатала письма и дневники Блока. Бунин де-

лал выписки и использовал их в разговорах и спорах «для убийства оппонентов». По мнению А. Бахраха, поэт «выписывал самые неудачные фразы; вырванные из контекста, они казались смехотворными».

Поэт чаще всего говорил о Блоке с насмешкой, в спорах о его творчестве «не принимал никаких доводов». Однако в этой критике, как считает А. Бахрах, было много тенденциозного, потому что Бунин «задерживался на декадентских вычурностях, не делая поправки на эпоху, выделяя и подчеркивая слабые стороны блоковских писаний». Но Бахрах как-то забывает, что и сам поэт был современником Блока, и его окружала «та же» литературная среда. Но ясно и другое: время наложило свой отпечаток на взгляды Бунина, с годами он стал все менее способен к компромиссам в отношении Блока.

Незадолго до смерти Ивана Алексеевича Бахрах принес «старую» статью Блока о стихах Бунина. Редакция поэта столь же категорична, сколь и неизменна: «Вы хотите, чтобы я переменял свои убеждения, потому что Блок наделил меня комплиментами, хотя в них, если разобраться, есть целая куча всяческих «но» — нет, нет и нет, — ваш Блок — дутый пузырь».

Пусть у читателей не сложится впечатление, что в неприятии Буниным Блока имели место лишь его личные амбиции. Речь идет, в первую очередь, об отношении поэта к поэту. Сам Бунин считал себя прежде всего поэтом и гордился этим званием. Однако его лирика не пользовалась столь шумной популярностью, как блоковская, ни в России, ни позже — во Франции. В 1929 году вышел в свет единственный зарубежный сборник стихотворений Бунина, не получивший, к огорчению автора, должного признания. «Почему вы не цените моих стихов? — спросил он однажды у Бахраха и, не дождавшись ответа, сказал: — ... для вас они недостаточно пряны и изысканны. Вас съел Блок».

Позиция Бунина в отношении Блока, считает С. Ю. Прегеле, служила «самозащитой», нежеланию поддаться силе чуждого ему творчества». Поэзия Блока действительно была чужда Бунину, их творческие принципы — генетически разнородны.

Одним из важнейших критериев ценности художественного творчества Бунин считал крепкую связь с родной землей. Это понятие включает в первую очередь духовную почву,

возрастившую мастера («влияние природы на художника», «принадлежность его к тому или иному обществу», «условия политической и социальной атмосферы данного времени», «тот цикл идей, чувств и настроений, которые господствовали в изучаемую эпоху»).

Ощущая себя «последним» представителем и продолжателем традиции русской классической литературы, Бунин болезненно относился ко всякого рода отклонениям в искусстве, выступал против засилья упадничества, полагая, что оно есть явление «не русское».

В письме к Телешову поэт замечал: «А мода... Черт бы ее побрал эту моду. Я не портной, чтобы прилаживаться к сезонам, да ведь и ты не станешь. Хотя, конечно, тяжело, когда ты увлекаешься, положим, шекспировскими изящными костюмами, а все ходят в пошлейших портках и глумятся над тобой. Как ни кинь, все тяжело одиночество во всех родах». Бунин никогда не кривил душой, предъявляя жесткие требования как к себе, так и к другим. В. Ходасевич писал: «Бунинская поэтика... представляется последовательной и упорной борьбой с символизмом. Эта борьба была тем более героической, что Бунин оказался один и не побоялся тех ран, которые она ему нанесла».

В музее И. С. Тургенева хранится книга Блока с пометами, сделанными рукой И. А. Бунина. Они дают яркое представление об эстетических взглядах поэта, а также позволяют составить определенное мнение и о его отношении к творчеству А. Блока.

На полях стихотворения «Поглобл все. Палившее светило...» из цикла «Ante Lucem» написал:

«Все верши и никому не понятное блудословие», а в конце всего цикла резюмировал:

«Все 70 (имеется в виду количество стихов в цикле. — А. Д.) — ни одного живого слова!» Следовательно, отсутствие «живых» слов ставится в вину блоковской непонятности. В стихотворении «Незнакомка» (цикл «Город») Бунин сделал две пометы и написал на полях:

По вечерам над ресторанами —? (а над прочими заведениями?)

Горячий воздух дик и глух —? (выделено Буниным. — А. Д.)

Бунин требовал от поэта конкретности образов, а не туманной расплывчатости. Поэму «Соловьиный сад» он характеризовал как «непонятную историю». Пытаясь уточнить содержа-

ние, ставил вопросы:

Нас ведут волосатые ноги,

— Чьи?

И осел начинает кричать

К стихотворению «Грешить бесстыдно, непробудно...» поставлен вопрос действительно логичный и закономерный с точки зрения христианских представлений:

Пройти сторонкой в божий храм,

Три раза приклониться долу,

Семь — осенить себя крестом,

Тайком к заплеванному полу...?!
В ХРАМЕ?

Далее — не менее жесткие и даже грубоватые выражения: «детское», «блудословие без конца», «это годится для коробки с папиросами», «глупо, противно», «ни к селу, ни к городу», «завитки! слова, слова!», «словесная б...». Основным упрек, сделанный Буниным, можно характеризовать как «отсутствие у Блока чувства национального языка». Не случайно в тексте пьесы «Незнакомка» поэт делает массу подчеркиваний, помет типа «глупо», «фу!», «пошлый фельетон», «вполне дурак» и в итоге размахисто пишет на полях — «не русское».

Таким образом, Бунин выразил свое непримиримо отрицательное отношение к «размытым», «неконкретным», символическим, начисто, по его мнению, лишенным связи с действительностью художественным воплощениям поэтических переживаний. По поводу слов Блока о людях, «...умеющих читать между строк», Бунин заметил: «Зачем так писать?»

...Наверное, самая высокая оценка — та, что дана соперником. Владислав Ходасевич оценил бунинский сборник 1929 года так: «Признаюсь, что для меня перед такими стихами куда-то вдалеку отступают все расхождения, все теории и пропадает охота разбираться, в чем прав Бунин и в чем не прав, потому что победителей не судят. В своей поэзии Бунин сделал много прекрасного, как не быть ему благодарным?»

Елец